

В защиту демократии – Георгий Федотов о русской революции и о европейских кризисах первой половины XX века

Георгий Федотов (1886-1951), был, наряду с авторами сборника «Вехи» (1909)¹ и некоторыми другими представителями русского философско-религиозного ренессанса рубежа XIX-XX вв., одним из самых глубоких интерпретаторов начавшейся в 1917 г. русской катастрофы и углублявшегося европейского кризиса первой половины XX в.

Революционное прошлое дополнительно связывало Георгия Федотова с авторами «Вех» – Семеном Франком, Николаем Бердяевым, Петром Струве, Сергеем Булгаковым и Александром Изгоевым². И он нес в себе бациллу политического радикализма и отчужденного от мира утопизма; тем более основательно и эффективно он боролся с этой духовной болезнью.

Однако между Федотовым и авторами «Вех» было принципиальное различие. Если авторы «Вех» решительным образом влияли на внутренний российский дискурс начиная с конца XIX столетия, то голос Федотова был услышан его соотечественниками лишь через четверть века – в 1926 г.

К этому времени Федотов превратился из неизвестного автора в одного из самых влиятельных публицистов русской эмиграции, которого называли «новым Александром Герценом»³. Творчество Федотова отличалось духовной оригинальностью и наглядностью форм, в которые он облакал свои мысли.

Однако вернемся к сравнению Федотова с авторами «Вех». Эти авторы, за исключением Николая Бердяева, были и остаются до сих пор почти неизвестными на Западе. И это несмотря на тот факт, что они внесли в изучение европейского кризиса XX в. свой вклад, соотносимый со вкладом таких немецких эмигрантов как Эрнст Френкель, Ханна Арендт, Хельмут Плесснер, Теодор Адорно и Вальтер Беньямин. Тем более непонятно отсутствие отклика на их творчество⁴.

---

¹ Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.

² О сборнике «Вехи» см. также: Reed Ch. Revolution and the Russian Intelligentsia 1900-1912. The Vekhi Debate and Its Intellectual Background. L., 1979; Brooks J. Vekhi and Vekhi Dispute // Survey. 1973. № 1. P. 21-50; Schlögel K. Jenseits des Großen Oktobers. Das Laboratorium der Moderne. Petersburg 1900-1921. Berlin, 1988; Pipes R. Struve. Liberal on the Right 1905-1944. Cambridge Mass., 1980. P. 106-113; Франк С. Биография П.Б. Струве. N.Y., 1956. С. 81-86.

³ См. Введение // Федотов Г. Судьба и грехи России. Санкт-Петербург, 1991. Т. 1-2, здесь Т. 1. С. 12.

⁴ Примером такой недооценки вклада мыслителей первой русской эмиграции в исследование тоталитаризма является сборник «За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма». М., 2011 (сост. Geyer M./Fitzpatrick Sh.) подводящий итоги исследований тоталитарных систем. В обширнейшей библиографии этого сборника (90 страниц) не упомянут почти ни один представитель первой эмиграции. К немногим исключениям принадлежит Николай Устрялов – один из идеологов сменовеховского движения.

Наша статья построена по тематическому принципу. В ней рассматриваются взгляды Федотова на различные аспекты русского и европейского кризиса первой половины XX в., а также, по крайней мере частично, их тогдашний идейный и исторический контекст.

а. Русская катастрофа 1917/18 годов с точки зрения очевидца

Широкая русская общественность открыла для себя Федотова, как уже было сказано, в 1926 г. – сразу после его отъезда из Советского Союза. Тогда совершенно неизвестный автор, возникший как бы из ничего, появился на страницах многих влиятельных эмигрантских газет и журналов и сразу же удивил читателей своей духовной глубиной и блестящим стилем. Однако Федотов никоим образом не являлся новичком в публицистике. И до 1926 г. он публиковал тексты, в которых выражал свое отношение как к русской катастрофе 1917 г., так и европейскому кризису начавшегося XX в. Однако эти статьи едва ли были замечены в России широкой общественностью: большевистская цензура сразу же запретила печатный орган, в котором публиковался Федотов. Речь идет о журнале «Свободные голоса», первый и единственный номер которого вышел в свет в апреле 1918 г. Три коротких заметки, которые Федотов напечатал в этом издании, содержали ряд основополагающих тезисов, развитых в его дальнейших работах (после 1926 г.). Об этих мыслях Федотова я хотел бы сказать подробнее.

В статье «Лицо России» Федотов, как и авторы «Вех», рефлексировал по поводу развала русской государственности, случившемся, к изумлению иностранцев и самих россиян, за кратчайший срок. «Россия слиняла в два дня. Самое большое – в три», – говорил об этом Василий Розанов. Это и в самом деле был непостижимый процесс. Вторая по величине, после Великобритании, империя на Земле, которая за 55 лет до того отметила свое тысячелетие, практически прекратила свое существование. Причем случилось это не в результате победы внешних врагов. Опыт последних 300 лет свидетельствовал о практической невозможности завоевать Россию. Это удалось лишь татарам в средние века. Последующие попытки повторить успех «Золотой Орды» проваливались. Так что развал русской государственности мог произойти лишь по внутренним причинам – вследствие разрыва русского общества со своим собственным государством, как это случилось в 1917 г.

Как же Федотов объясняет это беспримерное развитие?

Во многом его аргументация совпадает с аргументами Петра Струве⁵. Аналогично Струве он говорит о полном отчуждении образованной части русского об-

---

⁵ См.: Luks L. Petr Struve über die Ursachen und Folgen der russischen Revolution. Anlässlich des 95. Jahrestages des bolschewistischen Umsturzes // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2012. Vol. 1. P. 189-219; Люкс. Л. Русский государственный Петр Струве // Петр Бернгардович Струве / Под ред. О.А. Жуковой и В.К. Кантора. М., 2012. С. 253-278.

щества от государства, причем не только от царской монархии, но и от русского государства как такового. Особенно наглядно это отношение отразилось в стихотворных строках одного из радикальных критиков царского режима поэта Владимира Печерина (1807-1885):

«Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья»⁶.

Федотов так комментировал эту позицию: «Вместе с Владимиром Печериным проклинали мы Россию, с Марксом ненавидели ее и она не вынесла этой ненависти... Государство русское, всегда пугавшее нас своей жестокой тяжестью, ныне не существует. Мы помогли разбить его своею ненавистью или равнодушием. Тяжко будет искупление этой вины»⁷.

Аргументация Федотова чем-то напоминает точку зрения других его современников, таких как авторы «Вех» или Василий Розанов, выразившего свое отчаяние по поводу русской трагедии в работе «Апокалипсис нашего времени».

При этом небольшая статья Федотова содержит, однако, моменты, которых, как правило, нет в трудах его современников. Так Федотов не был фаталистом, смерть, в частности, государственного организма, не представлялась ему каким-то окончательным состоянием. Он верил в возрождение России. Страна тысячелетней культуры не может навсегда кануть в небытие. «Пусть озлобленные и малoverы ругаются над Россией как над страной без будущего, без чести и самосознания. Мы знаем, мы помним. Она *была*, Великая Россия. И она *будет*», – подчеркивал Федотов⁸.

Особо трагичным для Федотова был факт, что Россия разрушилась в тот самый момент, когда ее духовная элита начала освобождаться от ранее характерного для нее презрения к своей собственной культуре. Парадоксальным образом, идущий с Запада импульс помог вновь открыть красоту русской культуры: «Возвращаясь из Рима, мы впервые с дрожью восторга всматривались в колонны Казанского собора, средневековая Италия делала понятной Москву. Совсем недавно, после первой революции нашей, совершилось это чудо: воскрешение русской красоты, не сусальной, славянофильской, провинциальной, а строгой, вселенской и вечной. Мы не успели пересчитать наши церкви-музеи, описать старые города-сокровища, не успели собрать нашу живопись. Но сколько открытий уже сделано... Война прервала в самом начале эту работу их изучения. Мы к ней вернемся»⁹.

Это были слова провидца. В конце 1980-х годов во времена горбачевской «перестройки» Россия, после почти 70 лет блужданий, и в самом деле начала возвращаться к наследию «Серебряного века» – эпохи, которую Федотов воспевал в своей небольшой статье. Эта эпоха и сегодня все больше привлекает к себе обра-

⁶ Печерин В. Замогильные записки. М., 1932. С. 6.

⁷ Федотов Г.П. Лицо России. Paris, 1988. С. 1, 7.

⁸ Там же. С. 6.

⁹ Там же. С. 4.

зованную часть русского общества. Это не удивительно: в начале XX в. Россия переживала настоящий творческий прорыв, сравнимый с тем, который веком раньше инициировал Александр Пушкин. Но «Серебряный век» придал некоторым своим проявлениям новые, неожиданные черты. Так старинный спор западников и славянофилов или же противоречия между Западом и Востоком как таковые утратили свою прежнюю остроту, а невидимая, но существующая в головах многих людей, граница, разделяющая культуры Востока и Запада, стала прогниваемой. Русская литература, музыка, живопись, философия, перенявшие многие западные новации, стали сами вдохновлять Запад, причем в значительно большей мере, чем во времена Пушкина, в «золотой век» русской культуры.

Томас Манн говорил в то время (в 1903 г.) об «очаровывающей [...] священной русской литературе»¹⁰. Тот факт, что «Серебряный век» завершился не потому, что исчерпал себя, а вследствие акта насилия, лишь увеличил обаяние этого времени в глазах последующих поколений. Тогда была недосказана увлекательнейшая история, огромный культурный потенциал не был реализован до конца. Отсюда – сегодняшняя попытка восстановить разорванную в 1917 г. связь времен. Федотов уже в 1918 г. в значительной мере предсказал такое развитие событий.

И в другом вопросе Федотов проявил себя провидцем. Он предсказал, что Запад не сможет равнодушно пережить развал России: «Мир, может быть, не в состоянии жить без России. Ее спасение есть дело всемирной культуры»¹¹. Федотов оказался в этом вопросе более дальновидным, чем, например, немецкий социолог Альфред Вебер, который в 1925 г. никоим образом не сожалел об уходе России из Европы. По Веберу, Россия случайно стала частью европейского сообщества наций. Ее повторный уход из Европы был якобы ее возвращением к самой себе¹².

В действительности, Запад никоим образом не мог остаться в стороне от начавшихся в России разрушительных процессов. Через несколько лет на Западе тоже пришли к власти человеконенавистнические тоталитарные режимы – в 1922 г. в Италии, в 1933 г. в Германии. В итоге, в конце 1930-х – начале 1940-х годов значительная часть европейского континента попала под власть нацистского «нового порядка».

Так что предостережение Федотова, что Европа не сможет самоизолироваться от внутрироссийских процессов, является важным открытием, смысл которого многие европейцы поняли лишь годы спустя. Это высказанное в 1918 г. предостережение Федотов много раз повторял в течение второго периода своего творчества (после 1926 г.).

Второй текст Федотова, который опубликовали «Свободные голоса» в качестве передовой статьи, также содержал мысли, определившие его дальнейшее пуб-

---

¹⁰ Mann T. Gesammelte Werke in dreizehn Bänden. Frankfurt a. M., 1990. Vol. 8. P. 300. Vol. 10. P. 595.

¹¹ Федотов. Лицо России. С. 7.

¹² Weber A. Die Krise des modernen Staatsdenkens in Europa. Stuttgart, 1925. P. 119.

лицистическое творчество. Речь шла о будущем социализма. Факт, что Россия превратилась в экспериментальное поле для проведения социалистических утопий, Федотов, как и авторы «Вех», рассматривает в качестве главной причины упадка страны. Сейчас не может быть сомнений в том, что «именно попытка реализации (социалистических) идеалов повинна, в какой-то еще не подлежащей определению мере, в гибели России»¹³. Но Федотов не щадил и западных социалистов: они обуржуазились, их идеализм и социальный энтузиазм иссяк. «Война вскрыла этот кризис для тех, кто еще не видел его. Второй интернационал погиб. Рабочие всюду заняли свои места в „империалистических“ армиях, чтобы убивать друг друга»¹⁴.

Но эта явная деградация социализма, также, как впрочем, и упадок России, не является для Федотова последним словом истории. Он считает, что социалистическую идею, как и Россию, в будущем ожидает возрождение. И в этом он отличался от тех авторов «Вех», которые после их отхода от марксизма, почти полностью дистанцировались от социализма. В отличие от них, Федотов и после своего обращения к христианству верил в «вечную правду»¹⁵ социалистических идеалов своей юности. По мнению Федотова, «в социализме живет вечная правда всего смысла, которой он еще сам не постигает... Социализм, который вел (человечество) к царству Божию на земле, а привел к бездне, должен найти в себе силы для возрождения, для нового рождения»¹⁶.

Борьба за этот духовно обновленный, христианского типа социализм в значительной мере определила содержание последующей деятельности Федотова в течение его жизни.

В третьей статье Федотова, опубликованной в «Свободных голосах», автор высказал также некоторые мысли, которые он в дальнейшем постоянно углублял.

Статья была написана по случаю заключения крайне унижительного для России Брестского мира, но в ней лишь незначительно затрагивалось это событие. Вместо описания травматических процессов 1918 года, Федотов рассказал о событиях, которые произошли около тысячи лет назад, а именно о сделанном в IX в. переводе Библии с греческого на церковно-славянский язык.

«Мы привыкли видеть в этом факте исключительное счастье, редкий дар судьбы народу русскому. В то время как Запад внимал без разумения словам латинских молитв, и целые столетия не умел закрепить на пергаменте материнскую речь, наша литература своим рождением едва ли не упредила образование Киевского государства», – пишет Федотов.

В то время как западные народы приняли Евангелие на языке, понятном лишь людям образованным, Священное Писание стало доступно всем русским, без различия сословий. Однако в итоге это преимущество, по Федотову, было подоб-

---

¹³ Федотов. Лицо России. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ Там же. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 10-11.

но чаще с ядом: для западных народов латынь стала ключом к сокровищам античной культуры, которая на протяжении веков была недоступна для русских. В Древней Руси было развито созидательное начало, но не научно-философское, – отсутствовал необходимый для этого фундамент Античности. «Творчеством не скудна, конечно, Русь, но ее мысль – научно-философская мысль – спала веками, проспала Возрождение и очнулась так поздно, что между ее вещами, но смутными мечтами и наукой Запада выросла пропасть»¹⁷.

Лишь после петровских реформ страна попыталась быстрыми темпами нагнать свое отставание. Вместо того, чтобы самой припасть к истокам античности, она прибегла к услугам второсортных западных посредников и переводчиков; она уже в зрелом возрасте села на школьную скамью. Этот сценарий в дальнейшем повторялся в России на протяжении двухсот лет: «в зрелом возрасте сели учиться азам и с того рокового дня с каждым поколением выбрасываем, как ветошь, старое достояние, хотим переучиваться всему сначала»¹⁸.

Эти отчаянные попытки людей образованных соответствовать последней европейской моде вызывали лишь отторжение у простого русского народа, – подчеркивал Федотов. Образованные «верхи» и народные «низы» потеряли всякое взаимопонимание, несмотря на то, что русская элита прославляла простой народ и хотела служить ему. Пропасть между «верхами» и «низами» лишила русское государство своего фундамента и не в последнюю очередь предопределила его гибель после катастрофы Брестского мира.

Критическая оценка петровских реформ, выраженная в этой статье, не была типична для публицистики Федотова. Беспрецедентные культурные достижения петербургской России вновь и вновь вызывали его восхищение. Совершенное Петром I «возвращение России в Европу» Федотов считал вынуждено необходимым. Лишь таким путем Россия могла избавиться от культурного застоя, который царил в России перед ее европеизацией¹⁹.

Несмотря на свое восхищение творением Петра Первого, Федотову была ясна и его непрочность, которая не в последнюю очередь была обусловлена тем, что великий реформатор, в сущности, расколол Россию на две нации – европейски образованную элиту, и простой народ, которого европейское образование едва ли коснулось. Из-за этого разрыва, в конечном счете, и погибла петербургская Россия, о чем также говорилось в статье Федотова о Брестском мире.

б. Соображения о причинах и последствиях русской революции

После запрета «Свободных голосов» Федотов в условиях большевистской диктатуры больше не имел возможности публично выражать свои мысли. Во время

¹⁷ Там же. С. 14.

¹⁸ Там же. С. 15.

¹⁹ См. Вейдле В. Задача России. N.Y., 1956.

гражданской войны он жил в Петрограде и работал в Публичной библиотеке. Несмотря на замкнутый образ жизни, он участвовал в заседаниях тайного религиозно-философского кружка под руководством богослова А. Мейера, который и был редактором «Свободных голосов»²⁰.

В начале 1920 г. Федотов, чтобы избежать царившего в Петрограде голода, покинул город и переселился в свой родной город Саратов, где стал преподавать историю средних веков в университете. (В 1911 г. он завершил курс истории у известного петербургского профессора-медиевиста И.М. Гревса).

В 1923 г. Федотов вернулся в Петроград, где работал переводчиком и вновь вошел в кружок А. Мейера. Широкой общественности он оставался неизвестен. Его биограф писал: «За (эти) годы (Федотову) удалось напечатать только три статьи в научных журналах и небольшую ... брошюру об Абеляре». Из-за ужесточившейся цензуры его статья "Об утопии Данте" так и осталась неопубликованной²¹. Так что творческий потенциал Федотова в значительной мере оставался нереализованным. Эта ситуация изменилась лишь тогда, когда он в конце 1925 г. покинул Советский Союз и переселился на Запад. До 1941 г. Федотов жил в Париже. Уже в 1926 г. в русских эмигрантских журналах «Версты» и «Путь» появились первые статьи Федотова, которые заложили основу его славы как одного из самых талантливых публицистов русской эмиграции. Особое внимание общественности вызвало его эссе «Трагедия интеллигенции», опубликованное в журнале «Версты» в 1926 году. На этой статье я хотел бы остановиться немного подробнее.

В начале работы Федотов извиняется за необходимость вновь писать о русской интеллигенции: не опубликованы ли об этом с конца XIX в. многочисленные тексты? Федотов придерживается, однако, мнения, что, несмотря на поток статей, катастрофа 1917 г. вынуждает переоценить роль интеллигенции в русской истории. Лишь теперь можно ясно увидеть как созидательные, так и разрушительные последствия ее деятельности. В качестве двух основных характеристик интеллигенции Федотов называет ее беспочвенность и самозабвенный идеализм. Однако это определение не представляет собой ничего нового. Аналогично описывали интеллигенцию и авторы «Вех». Тем не менее, федотовское изображение интеллигенции содержит дополнительные аспекты, которые еще больше подчеркивают уникальность этого явления. В особенности это касается беспочвенности интеллигенции. Не в последнюю очередь по этой причине не все критики царизма, по Федотову, принадлежат к «ордену интеллигенции». Так, например декабристы, которые хотели превратить царскую автократию в конституционную монархию, никоим образом не были беспочвенными оппозиционерами. Они были прекрасно интегрированы в царский офицерский корпус и государственный аппарат. Они отвернулись от существующего режима не вследствие своих антигосударственных убеждений, а лишь потому, что русская монархия, с их точки зрения, ос-

²⁰ См. Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12-то томах. М., 2008. Т 12. С. 252-255.

²¹ Федотов Г.П. Лицо России. Введение. С. XVIII.

тановилась на пути просвещенных реформ, предначертанном Петром. Лишь следующее поколение критиков режима, по Федотову, отвернулось от своего государства. Лишь с этого поколения, как считал Федотов, началась история «ордена интеллигенции».

Несмотря на свое отдаление от государства, интеллигенция не смешивалась с простым народом, продолжает свои размышления Федотов. И это несмотря на то, что представители интеллигенции жертвовали собой ради освобождения русского крестьянства от несправедливой социальной системы царизма и прославляли его как своего рода воплощение добра. Но для русских крестьян все представители европейской элиты, в частности и интеллигенция, были как бы иностранцами, языка и мировоззрения которых они не понимали. Интеллигенция, отдаленная от государства и народа, жила в своем абстрактном мире идей. Вследствие своего полного отрыва от политической и социальной реальности, она становилась все более радикальной. Каждое новое поколение интеллигенции выбрасывало идеи предыдущего на "свалку истории", потому что считало их слишком умеренными. Так, например, радикально настроенные материалисты-нигилисты 1860-х годов презирали своих предшественников-идеалистов (конфликт отцов и детей, столь точно описанный Федором Достоевским в романе «Бесы»). Кампанию нигилистов, направленную против эстетики, против всякой неутилитарной деятельности в сфере культуры, Федотов называет своего рода нашествием варваров, которое угрожало разрушить хрупкую оболочку цивилизации петербургской России.

Линии развития русской интеллигенции и русской культуры все больше отдалялись друг от друга: «К XX в. это уже две породы людей, которые перестают понимать друг друга»²².

Для Федотова представляло загадку почти религиозное рвение, с которым интеллигенция, имеющая весьма скудный интеллектуальный багаж, отстаивала свои идеи. Это в особенности касалось поколения 1870-х годов, которое шло за нигилистами и из рядов которого вышло движение народников. Движение, которое «ушло в народ», чтобы самозабвенно служить ему, вызывает почти безграничное восхищение Федотова (в этом нашли свое ясное выражение социалистические идеалы его юности).

Федотов сравнивает народников с религиозными подвижниками и мучениками времен раннего христианства. Хотя духовными лидерами народников были авторы поверхностных революционных брошюр, фактически их идеалы питались из христианских истоков. Федотов подчеркивает, что многие народники, вопреки их атеистическим взглядам, говорили о Христе с большим благоговением. Но затем, с 1879 г., случилось что-то непостижимое: «Бродячие апостолы становятся политическими убийцами». Это превращение Федотов объясняет провалом эсхатологических ожиданий народников. Несмотря на свою чрезвычайную готовность к

---

²² Там же. С. 102.

самопожертвованию, они оказались не в состоянии создать «Царствие Божие, или царство социализма»²³. Народ, к спасению которого они стремились, отвернулся от них.

Совершая террористические акты, интеллигенция утратила политическую невиновность, – развивает свою мысль Федотов. Однако, представители «ордена» считали себя, несмотря на совершаемые ими убийства, не преступниками, а жертвами и мучениками. Всякое воспевание побед было им чуждо; из всех революционных песен у них пользовались наибольшей популярностью похоронные марши, – подчеркивает Федотов.

На протяжении поколений русская интеллигенция пыталась проникнуть в душу народа, разгадать тайные желания и стремления русских «низов».

Но так как народ упрямо молчал, этому молчанию придавалось почти мистическое значение. В воображении интеллигенции возник иллюзорный мир людей, якобы стремящихся создать социальный рай на земле. Лишь ненавистный царский режим, с точки зрения интеллигенции, стоял на пути реализации этих амбиций. Однако в 1917 году выяснилось, что реальный русский народ не имеет ничего общего с искусственным конструктом интеллигенции. Случилось именно так, как предсказывал Александр Пушкин, когда описывал «русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Что же на самом деле представляло собой мировоззрение широких русских народных масс, которые связывали с революцией 1917 г. совсем иные представления, чем те, которые от них ожидала интеллигенция?

Этот вопрос рассматривается Федотовым в статьях "Революция идет" и "Новая Россия", опубликованных в журнале «Современные записки» в 1929 и в 1930 гг. Федотов, как и многие другие авторы, изучающие предысторию русской революции, начинает свой анализ с преобразований Петра Первого, положивших конец культурной однородности Московского государства. В этой связи Николай Бердяев и Петр Струве говорили о двух нациях, возникших на территории России. Федотов же использует другой образ. Он говорит о двух разных государствах, на которые распалась Российская империя с начала XVIII в.: о светской империи дворянства, перенявшей западные представления о чести и основанном на ней понятии верности государю, и о крестьянском царстве во главе с «земным Богом», который представлял собой воплощение совершенства. В отличие от дворянства, русское крестьянство не связывало свою верность царю с определенными условиями. Крестьянство даровало царю свое безграничное доверие, так как царь был для крестьян, прежде всего, хранителем «истиной веры». Кре-

---

²³ Там же. С. 107. См. на эту тему также Зернов Н. Русское религиозное возрождение. Париж, 1991; Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955; Nahimy V. The Russian Intelligentsia. From Torment to Silence. New Brunswick, 1983; Venturi F. Roots of Revolution. Chicago, 1983; Luks L. Intelligencija und Revolution. Geschichte eines siegreichen Scheiterns // Historische Zeitschrift. 1989. Vol. 249. P. 265-294. Степун Ф. Сочинения. М., 2000; «Современные записки» (Париж 1920-1940). Из архива редакции. М., 2011. Том. 1. С. 386.

стьяне, забритые в солдаты, сражались «За Веру, Царя и Отечество». Не случайно, что понятие «Отечество», как подчеркивает Федоров, стоит в этой триаде на последнем месте²⁴.

У дворянства, как отмечает автор, существуют иные приоритеты ценностей: оно, прежде всего, служит Отечеству, а лишь затем -православному царю. Обе эти государственные доктрины практически никак не были связаны между собой, – продолжает свои размышления Федотов.

Несмотря на это, русская монархия в XVIII в. оставалась в высшей степени стабильной, так как она опиралась как на лояльность прозападного высшего сословия, так и на веру «низов» в царя. Эти две формы верности государству дополняли друг друга. На этом базировалась устойчивость царской монархии в XVIII в., которая в это время достигла значительных внешнеполитических успехов.

В XIX в. обе эти опоры власти царизма заколебались, пишет Федотов. Часть высшего общества, ориентированная на дальнейшую европеизацию страны, отвернулась от режима вследствие его враждебного отношения к реформам. Крестьяне же стали сомневаться в своей многовековой вере в богоподобность царя, по-западному образованного и одетого в немецкую униформу. Поэтому народные массы были все меньше способны понимать свое собственное государство: «Россия с Петра перестала быть понятной русскому народу. Он не представлял себе ни ее границ, ни ее задач, ни ее внешних врагов, которые были ясны и конкретны для него в Московском царстве»²⁵.

Крестьяне не только не понимали собственное государство, – оно было для них также источником крайней несправедливости. Федотов имеет в виду, конечно же, самую большую социальную рану и бесчестье России – крепостное право. Факт, что крестьяне никак не могли примириться с крепостным правом, этой, с точки зрения русских консерваторов, наиболее важной опорой русской монархии, делал их крайне ненадежными союзниками царизма.

Такое положение отмечали многие другие авторы, изучавшие столь непрочный фундамент петербургской России. Тот факт, что царская монархия в 1762 году освободила дворянство от обязательной службы и в то же время сохранила крепостное право, усилил убежденность русских крестьян в том, что русский общественный строй основан на массовой несправедливости. Русский историк Василий Ключевский об этом писал: «Равновесие прав и обязанностей, на котором держался политический строй в России, нарушается: одно сословие продолжает пользоваться всеми прежними преимуществами и получает некоторые новые, в то время как с него спадали одна за другой его прежние обязанности»²⁶.

---

²⁴ Федотов. Судьба и грехи России. Т. 1. С. 128-129.

²⁵ Там же. С. 129.

²⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 5 // Ключевский В.О. Сочинения. Т. 5. М., 1958. С. 161.

Федотов указывает на то, что отмена крепостного права в 1861 г. не так уж сильно изменила крестьянские представления о несправедливости общественного строя России: «Раздел земли между крестьянством и дворянством во время освобождения был воспринят первым как тяжелая несправедливость. Уже тогда оно предъявило притязания на всю землю. Это требование вытекало не из экономической нужды, а из сознания права – своеобразного, не частно-коммунистического, а скорее публичного права»²⁷.

В начале XX в. состоялась долгожданная встреча интеллигенции с народом, – продолжает Федотов свои рассуждения. Это был в высшей степени противоречивый союз под лозунгом "Земля и воля" (Федотов использует название организации русских народников 1870-х годов). При этом оба участника этого союза имели совершенно различные цели: «одному земля, другому воля»²⁸.

Как справедливо отмечает Федотов, русские крестьяне в 1917 году были заинтересованы в земле, но не в свободе и защите демократии. Решение крестьянства по своим последствиям стало роковым для России – Немезида истории не заставила себя долго ждать. После потери свободы крестьяне потеряли и землю. Но случилось это после почти девятилетнего интермеццо. Речь идет о введении большевиками в 1921 г. новой экономической политики, переход к которой русские крестьяне считали высшим достижением своей истории. Этот поворот в аграрной политике большевиков произошел вследствие постоянного сопротивления крестьян продразверстке, принудительно введенной большевиками во время гражданской войны.

В этой ситуации Федотов публикует статью "Новая Россия", где описывает огромный рост уверенности крестьян в своих силах. Несмотря на многочисленные препятствия, чинимые большевистской бюрократией, крестьянин чувствовал себя "властелином истории": «В деревне, освобожденной от помещика и от наваждения земельной прирезки, проснулся небывалый голод к труду. Крестьянин словно впервые почувствовал себя хозяином на своей земле: он жадно слушает агронома, бросается на технические новинки, которые еще недавно его пугали. Он рассчитывает, строит планы – и убеждается, что, при данной фискальной системе, самое умное – скосить свой хлеб на сено. Но при малейшей передышке он показывает свою силу»²⁹.

С точки зрения Федотова, отношение крестьянства к большевистской властной элите принципиально отличается от его прежних отношений к царской бюрократии. Крестьяне ненавидели коммунистов, но это не была классовая ненависть, так как новые хозяева жизни в немалой своей части рекрутировались из бывших «низов» общества, в частности из крестьян. Менталитет коммунистов был понятен крестьянам лучше, чем менталитет европеизированного чиновничества петербургской России. Крестьяне не только критиковали выходцев из сво-

²⁷ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. С. 155-156.

²⁸ Там же. С. 158.

²⁹ Федотов. Судьба и грехи России. Т. 1. С. 198.

ей среды, которые сделали карьеру в большевистском госаппарате, но и в то же время гордились ими. Этот процесс социального выравнивания в стране – ликвидация прежней зияющей пропасти между классами и сословиями – мог, по Федотову, стать предпосылкой появления нового национального самосознания. Что беспокоило Федотова, это недостаточная политическая зрелость деревни, факт, что у нее отсутствовали конкретные политические цели и идеалы: «Бесспорно, выросла ее политическая независимость, но трудно сказать, насколько выросло ее государственное сознание со времени анархического угара 1917–1919 годов»³⁰.

Озабоченность Федотова была полностью оправдана. В то время, когда были опубликованы эти его строки, большевистское государство начало не знающий примеров в истории террористический поход против русского крестьянства с целью уничтожения достижений большевистской земельной реформы, провозглашенной 8 ноября 1917 г. («черный передел»). Наступил расчет за то, что крестьян интересовала лишь их собственность на землю, но не их свобода. Режим, который избежал любого контроля со стороны общества, теперь был в состоянии реализовать свои политические планы, даже самые безумные, не встречая действительного сопротивления.

в. Сталинская революция сверху или „второе закрепощение“ крестьян

Через несколько месяцев после начала коллективизации сельского хозяйства Федотов в статье «Проблемы будущей России» выразил свое отношение к этому процессу. Сталинскую попытку лишить собственности 100 млн. крестьян и превратить их в безземельных пролетариев, он назвал актом безумия. Однако это безумие имело свою внутреннюю логику. Сталин понимал, что национальная сущность России, ставящая под угрозу коммунистический эксперимент, выражена, прежде всего, в крестьянстве. Поэтому он принял смелое решение – ликвидировать крестьянство как таковое: «Никогда еще столь дерзкая мысль не воплощалась в волю государственного деятеля. *Hic incipit dementia*. Но, может быть, никогда еще ни один правитель не наследовал такой сверхчеловеческой власти».

Затем Федотов с чувством тревоги спрашивает, сможет ли сталинский режим осуществить свое намерение: «И становится страшно: удастся ли? То есть не „построить социализм“, а разрушить все живые силы крестьянства, обратить его в рабство, без хозяйственной воли, без быта, без Церкви, без России. Сейчас решается судьба России — быть может, на столетия. Если народ не отстоит себя в этой последней борьбе, значит, он перестает быть субъектом истории»³¹.

³⁰ Там же. С. 199.

³¹ Федотов. Судьба и грехи России. Т. 1. С. 229.

Как известно, эту решающую битву русское крестьянство проиграло. Несмотря на отчаянное сопротивление, оно было не в состоянии сдержать режим, который в мирное время объявил войну собственному народу.

В своей второй статье из цикла «Проблемы будущей России», изданной в 1931 г. в журнале «Современные записки», Федотов описывал русское крестьянство после побоища. Как могло произойти столь сокрушительное поражение подавляющего большинства народа? Федотов объясняет это в первую очередь недостатком готовности народа защищать свою свободу и права: «Он не пошевелил пальцем, чтобы защитить избранное им учредительное собрание. 13 лет он пассивно смотрит, как воля его фальсифицируется в избирательской системе советов, позволяя говорить от своего имени продажным или враждебным ему отщепенцам. Он живет в режиме неслыханного террора, едва ли сознавая исключительность этого положения. Он дает энергичному меньшинству мять себя, как глину, вить из себя веревки»³². Эта пассивность масс, по Федотову, искушала «людей одаренных волей к власти и лишенных правового сознания». В царской России большинство населения также было пассивно, – развивает свою мысль Федотов. Но в стране тогда был тонкий слой интеллигенции, ценившей превыше всего свободу. Интеллигенция, со своим почти религиозным пафосом свободы, заставила правителей обуздать их властолюбие. «Объективно интеллигенция предъявила свои права на власть, боролась за нее более полувека и потерпела поражение в 1917 году»³³.

После уничтожения интеллигенции вследствие большевистской революции, в России больше не осталось социальной группы, которая была бы готова защищать свободу. Этот факт считает Федотов наиболее трагическим последствием катастрофы 1917-1920 гг.³⁴

После описания положения народных масс России, то есть побежденных, Федотов обращается к победителям – партии большевиков. В статье 1933 г. под названием «Правда побежденных» Федотов описывает менталитет нового поколения большевистских функционеров, которым удалось выйти победителями из второй гражданской войны начала 1930-х годов. Этим «новым большевикам» была чужда революционная романтика своих предшественников. Партия пыталась уничтожить память о братстве по оружию времен гражданской войны; симпатии к бывшим товарищам теперь считались святотатством. «Новый большевик» должен был всегда быть готов устранить даже самых честных и стойких товарищей, если они выступали против "генеральной линии партии". Партаппарат виртуозно использовал самые низменные инстинкты членов партии. На каждого из них было подготовлено досье, в котором были в мельчайших деталях перечислены слабости и недостатки "потенциальных преступников". Всеобщее недоверие и страх представляли собой важнейшие основы системы. Подлецы, не

---

³² Там же. С. 257.

³³ Там же. С. 142.

³⁴ Там же. С. 258.

имеющие собственного мнения, или же люди, которые не в состоянии защищать свои убеждения, являлись «безупречными» товарищами по партии: их легче было контролировать: «Отсюда эта постоянная гимнастика предательства своих убеждений, упражнения в покаянных письмах и доносах на единомышленников. Нужно унижить, скомпрометировать возможно больше членов партии, чтобы они не могли выйти из повиновения. Верность коммунизму, стойкость убеждений – лучшие качества бойца, последние остатки военно-революционной этики – сознательно разрушаются во имя партийной дисциплины»³⁵.

Примерно за 4 года до первого московского показательного процесса Федотов описывает эту «новую большевистскую мораль». Он прозорливо предсказал покаянные выступления бывших ближайших соратников Ленина, которые предавали свои убеждения, товарищей и даже членов своих семей и оговаривали себя, признаваясь в самых отвратительных преступлениях. Это моральное разложение представляется почти неизбежным следствием изменения менталитета большевиков, о чем Федотов писал еще в начале 1930-х годов.

Федотов за 4 года до их начала предвидел и другую существенную черту будущих показательных процессов – их фиктивность, пропагандистскую заданность, основанную на «полезной лжи».

«В настоящее время можно сказать, что коммунизм уже потерял способность различения истины и лжи, как, много раньше, – добра и зла. Истина приобрела чисто служебное, или тактическое, значение – для генеральной линии, для сегодняшнего дня. Это признается с наивным цинизмом издателями Советской Энциклопедии, историками партии. История не может угнаться за политическим заказом, меняющимся каждый день. Вчерашние полубоги, в которых верили, на которых учились, сегодня втаптываются в грязь по указке свыше», – писал Федотов³⁶.

Как же могла существовать эта описанная Федотовым саморазрушительная система? На чем основывалась ее несомненная эффективность, позволившая ей победить всех своих врагов, подчинить себе русское общество как таковое?

Федотов объясняет это существованием мифа коллективизма, ощущением каждого партийца, что он – составная часть гигантского механизма: «Связь с коллективом, с партией, с могущественным сверхличным организмом. Превратиться в клеточку, не чувствовать, убить свою личность – единственный способ сохранить жизнь и способность к действию»³⁷.

Федотов отмечает, что такая крайняя степень самоотречения в пользу коллектива возможна лишь тогда, когда речь идет о коллективе, всегда находящимся в борьбе. Поэтому большевизм постоянно нуждается в новых врагах, которых следует уничтожить. Так что партию вдохновляет не столько любовь к новому справедливому миру, который она якобы строит, сколько ненависть к врагам. Поэтому

---

³⁵ Там же. Т. 2, С. 36.

³⁶ Там же. С. 36-37.

³⁷ Там же. С. 37.

Федотов считает большевизм в чистом виде механизмом разрушения, которому чуждо все человеческое: «Дух большевизма – дух небытия»³⁸.

Так Федотов описывал характер партии, которая после покорения русского крестьянства чувствовала себя всемогущим демиургом, сумевшим чуть ли не мгновенно «создать новый мир» и построить «социализм в одной стране».

XVII съезд партии большевиков в январе 1934 г., на котором большевики праздновали свой «триумф», партийные пропагандисты называли «съездом победителей». Через 5 лет 70% членов ЦК, избранных на этом съезде, и почти половины его делегатов уже не было в живых. Они пали жертвой беспримерного сталинского террора. Поэтому советский историк Михаил Гефтер во времена горбачевской перестройки переименовал «съезд победителей» в «съезд самоубийц»³⁹.

Как Федотов объясняет этот непостижимый процесс?

Факт перерождения в середине 1930-х годов большевистской диктатуры в личную деспотию Сталина Федотов не считает чем-то необычным.

Почти все «великие революции» в конце концов, вырождались в личные тирании, пишет Федотов в 1936 г. в статье «Сталинокрапия». Причем большевистская Россия все более походила на фашистские государства. Однако между сталинской диктатурой и фашистскими режимами было и важное различие: «Для фашизма необходимы три элемента: вождь, правящий активный отбор и революционная взволнованность масс. В России не только давно уже массы вернулись в состояние политической пассивности. В России, теперь уже можно сказать, нет и партии как организации активного меньшинства, имеющей свою волю, свои традиции. Муссолини и Гитлер (как и Ленин) должны постоянно дрессировать, воспитывать и вдохновлять ряды своих бойцов. Эта обязанность принадлежит к нелегкому политическому искусству фашистского вождя. Сталину давно уже удалось убить всякую политическую активность своей партии»⁴⁰.

Здесь Федотов недооценивает степень покорности правящей партии в нацистском государстве, которая ничем не отличалась от покорности большевиков в сталинскую эпоху. Но конечно, существовали и коренные различия между двумя тоталитарными режимами – они касались прежде всего идеологических, экономических и социальных устоев обеих систем. Эти различия Федотов, как правило, недооценивал, называя сталинизм разновидностью фашизма⁴¹.

Большинство эмигрантов все еще мечтало о спасении России от большевизма; они не понимали, что большевизма в его прежнем виде в России больше нет, что не большевики правят Россией, пишет Федотов: «*Не они, а он*. А если „они“, воз-

---

³⁸ Там же. С. 39.

³⁹ Гефтер М. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 260.

⁴⁰ Федотов. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 85.

⁴¹ См. Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 9. М., 2004. С. 190-191, 201, 208, 221, 257, 340.

главляемые „им“, то совершенно не коммунисты, а новые люди, к которым нужно приглядеться», – считает Федотов⁴².

Через несколько месяцев после написания Федотовым этих строк начался сталинский «Большой террор», начало которому положил первый московский показательный процесс августа 1936 г. Советская властная элита, которая тогда безраздельно контролировала все ключевые позиции в государстве, практически не оказала сопротивления этой попытке Сталина обезглавить ее. Ее поведение очень отличалось от действий советских крестьян, оказавших отчаянное сопротивление террористической кампании режима во время коллективизации.

Столь разное поведение, конечно же, определялось тем, что старая большевистская гвардия, в отличие от крестьян, в гораздо большей степени отождествляла себя с системой, которая теперь была направлена против нее. Польский поэт Александр Ват, который одно время симпатизировал коммунизму, писал в воспоминаниях, что ни одна группа жертв не вела себя в сталинских тюрьмах столь недостойно, как «старые большевики», эти бывшие герои революции и гражданской войны. Едва ли кто иной так быстро капитулировал перед органами террора⁴³. Московские показательные процессы 1936-1938 годов, когда, как уже говорилось, бывшие ближайшие соратники Ленина обвинялись в беспрецедентных преступлениях против ими же и созданного советского государства, являются собой особенно впечатляющий пример такой капитуляции.

Лев Троцкий в Нью-Йорке в феврале 1937 г. в речи, посвященной московским показательным процессам, взял под защиту своих бывших соратников: «Суд ГПУ есть суд инквизиции. Признания подсудимых, вынужденные методами ужасающей нравственной пытки, полны противоречий и абсурдов. При первом соприкосновении со свободной критикой они рассыпаются в прах... Разве подсудимые свободно, по собственной воле сделали свои признания? Нет, их постепенно, в течение ряда лет держали под прессом, нажимали пресс все больше и больше и, в конце концов, не оставили несчастным раздавленным людям никакой другой надежды на спасение, кроме полной и безусловной покорности... Выносливость нервной системы человека ограничена!»⁴⁴.

Однако объяснения Троцкого касались лишь тех большевиков, которые лишь после применения физического воздействия смирились с невыносимой для них ролью марионеток в кукольном театре Сталина. Поведение же еще не арестованных коммунистов, которые «в услужливом послушании» говорили языком сталинских палачей, должно оцениваться иначе. Так многие бывшие партийные оппозиционеры (Карл Радек, Христиан Раковский, Владимир Антонов-Овсеенко, Николай Пятаков и другие) во время первого московского показательного процесса в августе 1936 г. требовали беспощадной расправы с обвиняемыми.

---

⁴² Федотов. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 86.

⁴³ Wat A. *Mój wiek. Pamiętnik mówiony*. Warszawa, 1998. Т. 2. Р. 149, 164.

⁴⁴ Trotzki L. *Schriften I., Sowjetgesellschaft und stalinistische Diktatur*. Frankfurt a. M., 1988. Vol. 1.2 (1936-1940). P. 1033-1035.

Пятаков писал 21 августа 1936 г. в газете «Правда»: «Не хватает слов, чтобы полностью выразить свое негодование и омерзение. Это люди, потерявшие последние черты человеческого облика. Их надо уничтожать, уничтожать, как падаль, заражающую чистый, бодрый воздух Советской страны»⁴⁵.

Федотов пристально следил за московскими показательными процессами.

Факт, что подсудимые во время процессов вели себя "недостойно", Федотов связывает с Лениным: «За Сталиным и Зиновьевым, за всем разнообразием личных характеристик большевистских вождей, маячит зловещая фигура Ленина, который воспитал это поколение, который своим принципиальным, циническим аморализмом, своим отрицанием личной чести, правдивости и достоинства убил в зародыше возможность большевистского благородства. Растил палачей, но не героев. И по образу этих растленных, на все готовых слуг творил новую Россию – рабыню Сталина»⁴⁶.

После третьего московского показательного процесса в марте 1938 г., который был направлен против «любимца партии» Николая Бухарина, Федотов высказал мнение, что уничтожение старой большевистской гвардии должно устранить партию Ленина. Это была посмертная казнь Ленина: «будь жив сейчас Ленин и окажись он в руках Сталина, без всякого сомнения, и он признал бы себя германским шпионом – и, быть может, с несколько большим на то правом» – пишет Федотов⁴⁷.

Имел ли «Большой террор», который, на первый взгляд, был лишь воплощением саморазрушающего произвола режима, свою внутреннюю логику?

Федотов ее определенно видит; он считает, что ненавистная народу партия постепенно становилась обузой для Сталина. Теперь он хотел быть властелином всех русских, а не только вождем убежденных коммунистов. Отсюда – реабилитация предреволюционной русской истории, до сих пор являвшейся для большевиков воплощением зла; отсюда – прославление ранее презираемого слова «Родина». Сталин, в отличие от побежденного им Троцкого, не был убежденным марксистом, – считает Федотов. У Сталина не было интеллектуального потенциала необходимого для комплексного понимания марксистской доктрины. Факт, что, несмотря на это режим официально исповедовал марксизм, Федотов объяснял интеллектуальной импотенцией сталинистов. Они не были в состоянии создать идеологию, которая могла бы легитимировать новую систему, больше не имевшую с классическим марксизмом ничего общего. Культ личности Сталина играл в этом двойственном отношении режима к марксизму особую роль. Сталина, одного из самых теоретически бездарных большевистских функционеров,

---

⁴⁵ Цит. по: Conquest R. Am Anfang starb Genosse Kirow. Säuberungen unter Stalin. Düsseldorf, 1970; см. также: Hedeler W. Neue Archivadokumente zur Biographie von Grigori Jewsejewitsch Sinowjew // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. 1999. P. 314; Советское руководство. Переписка 1928-1941. М., 1999. С. 342.

⁴⁶ Федотов Г.П. Защита России. Париж, 1988. С. 53.

⁴⁷ Там же. С. 180.

советские писатели превозносили как самого лучшего стилиста, а ученые назвали величайшим философом мира. На первый взгляд, это казалось абсурдным, однако Федотов увидел в этом своеобразную внутреннюю логику: «Сталин должен быть величайшим гением, чтобы иметь право не считаться с догмами Маркса и заветами Ленина»⁴⁸.

Федотову не хватало временной дистанции, чтобы понять, что Сталин никоим образом не стремился дистанцироваться от марксизма – несмотря на его многочисленные критические высказывания в отношении классиков марксизма. Так, например, Сталин не раз называл себя скромным учеником Ленина, однако между строк он снова и снова давал понять, что Ленин был фантазером, мечтателем. Лишь ему, Сталину, удалось воплотить ленинские мечты в жизнь, например, мечту о ликвидации частной собственности или об индустриализации страны⁴⁹.

Но не только заветы Ленина, но и постулаты классиков марксизма Сталин неоднократно ставил под вопрос. В разговоре с вождями югославской компартии Сталин обвинил Маркса и Энгельса в чрезмерной зависимости от немецкой идеалистической философии⁵⁰.

Однако, несмотря на это, было бы неверно полагать, что Сталин дистанцировался от основных принципов марксизма-ленинизма. Напротив, он считал себя величайшим революционером всех времен, который сумел воплотить наследие своих предшественников в реальность.

г. Кризис европейской демократии

Еще в апреле 1918 г. Федотов писал, что европейцы не могут себе позволить отказать от России. Русская катастрофа рано или поздно отразится на Западе. И в самом деле, кризис русской демократии лишь на несколько лет опередил кризис демократии в западной части европейского континента. Для плюралистических обществ Запада тоталитарные течения также стали представлять собой растущую угрозу. С середины 1920-х годов Федотов мог в непосредственной близости наблюдать кризис идентичности европейской демократии, что внушало ему большие опасения. К первым высказываниям Федотова на эту тему принадлежала статья «Carmen saeculare», опубликованная в эмигрантском журнале «Путь» в 1928 г. Название статьи отсылает к стихотворению Горация, которое поэт посвятил началу новой эпохи в истории Рима – правлению императора Августа. Федотов также пытается распознать черты новой эпохи, начавшейся после «долгого XIX века».

---

⁴⁸ Федотов. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 92.

⁴⁹ О сталинской критике Ленина см.: Волкогонов Д.А. Семь вождей. Галерея лидеров СССР в двух книгах. М., 1995. Т. 1. С. 179, 181.

⁵⁰ Пыжиков А.В. Ленинизм и сталинизм: идеологические разногласия // Вопросы философии. 2001. № 6. С. 46.

Хотя Федотов не пользуется *expressis verbis* понятием «долгий XIX век», продолжительность этого века, для него, как и 60 лет спустя для Эрика Хобсбаума была определена также: 1789-1914 годы: «XX contra XIX. Век двадцатый против девятнадцатого, которого даты: 1789-1914. Давно уже Европа не знала такой пропасти между отцами и детьми: она напоминает пропасть между идеалистами 40-х годов в России и нигилистами 60-х. Но в России разрыв между поколениями сглаживался успокоительным воздействием той же Европы. Ран Европы залечить некому»⁵¹.

Что же видит Федотов, анализируя события недавно столь бурно начавшегося нового века? Прежде всего, глубочайшую пропасть, отделяющую его от прошедшего столетия. Новый дух времени восстал против изысканной эстетики XIX века, культурного многообразия и гуманистических ценностей. Им были противопоставлены сила воли и техническая эффективность, ценившиеся чрезвычайно высоко. В почете были борющиеся натуры, а не рефлексирующие мыслители. Какая же угроза для старой европейской культуры исходила от этих новых европейцев, – задает вопрос Федотов: «Не бестиализм ли утверждается на развалинах царства человечности?»⁵².

Другая тенденция также вызывает крайнюю озабоченность Федотова – тот факт, что современные европейцы все меньше ценят свободу: «Современный человек не нуждается в свободе. Он предает ее на каждом шагу: в политике, в общественной жизни, в религии. Для него свобода опороченное слово, символ дурного бессилия, буржуазной анархии»⁵³. Эти слова Федотова перекликаются с высказыванием, сделанным им в отношении сталинской России, когда он отметил тенденцию отхода значительных социальных групп России от идеала свободы. Эта параллель поражает, если учитывать, что сталинская Россия была герметично изолирована от Запада. Федотов констатировал *бегство европейцев от свободы* за 13 лет до того, как это сделал Эрих Фромм в 1941 г. в своей знаменитой книге.

Какие еще существенные черты нового века отмечал Федотов в своей написанной в 1928 г. работе? Это, прежде всего, тенденция к коллективизму. Если раньше каждый индивидуум стремился сохранить верность самому себе и, в то же время, входил в разные организации, чтобы удовлетворять свои различные потребности, то эта одновременная принадлежность сразу к нескольким организациям теперь почти не возможна. Каждая организация требует от всякого индивидуума полной идентификации с ней, как со своим племенем, семьей или нацией. От каждого человека требуется верность и подчинение – солдатская дисциплина. «Только не сомневаться, не спускать глаз с забрезжившей точки, –, и идти в ногу, сомкнуться строем. Да здравствует Ленин! Да здравствует Муссолини! Вождь выносятся коллективом, вынашивается массами, и когда родится, массы

⁵¹ Федотов. Лицо России. С.198-199.

⁵² Там же. С. 200.

⁵³ Там же. С. 210.

видят в нем сверхчеловека»⁵⁴. Если учесть, что Федотов написал эти слова о новых тоталитарных тенденциях в Европе в 1928 году, когда такое развитие наблюдалось лишь в двух европейских странах – в России и Италии – его предсказание кажется еще более удивительным.

Однако в одном отношении Федотов оказался лжепророком. Как это часто бывало, Федотов не был фаталистом в анализе постоянно растущих тоталитарных тенденций в Европе. В тогдашней Европе он диагностировал нарастание не только разрушительных, но и созидательных сил. Речь шла, прежде всего, о христианских церквях всех конфессий. Он надеялся, что убежденные христиане смогут действительно противостоять тоталитарным экспериментам, остановить их марш, ведущий в пропасть⁵⁵. Этого, как известно, по крайней мере, своевременно, не произошло. Освенцим и Гулаг предотвратить не удалось.

После мирового экономического кризиса 1929 г. и все углублявшегося кризиса Веймарской республики начала 1930-х годов, Федотов становится все более пессимистичным. В статье «Социальный вопрос и свобода», которую Федотов опубликовал в 1931 г. в «Современных записках», он выражал большую обеспокоенность эрозией политического центра в политическом спектре Европы. Автор писал, что либерализм больше не играет в западных странах почти никакой роли. Социал-демократы, ставшие после упадка либерализма важнейшим оплотом открытого общества, теряют в своей борьбе против правого и левого экстремизма политическую инициативу: «Демократический социализм сейчас нигде не имеет продуманной и глубокой социальной программы. Ему нечего противопоставить соблазнительным демагогическим лозунгам гитлеровцев и коммунистов [...] Так два социальных стана стоят друг против друга: черно-красное знамя социальной революции и бледно-розовое – социального порядка и свободы. Победа одного означает построение рабочей или внеклассовой деспотии с подавлением духовной культуры и медленным угасанием культуры вообще. Победа второго не обещает выхода из тупика. Не разрешившая экономической проблемы Европа идет от кризиса к кризису, к обнищанию и упадку. Но лишь в этом стане, хотя слабыми руками и устаревшим сознанием, готовы защищать свободу»⁵⁶.

Аналогичные опасения в связи с возможным исходом борьбы между социал-демократами, прежде всего Социал-демократической партией Германии (СДПГ), с их экстремистски настроенными противниками, как справа, так и слева, выражал тогда же соотечественник Федотова Александр Шифрин, один из самых оригинальных социал-демократических теоретиков своего времени.

Организационные вопросы и административные задачи так сильно занимают СДПГ, что партия разучилась бороться за человеческие души, пишет Шифрин сразу же после выборов в рейхстаг в сентябре 1930 г.⁵⁷ СДПГ обладает мощней-

---

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 214-215.

⁵⁶ Федотов Г.П. Россия, Европа и мы. Paris, 1973. С. 72-74.

⁵⁷ Schifrin A. Parteiprobleme nach den Wahlen // Die Gesellschaft. 1930. № 9. P. 407.

шей прессой в Европе, продолжает в середине 1931 г. развивать свою мысль Шифрин; тем не менее, она не смогла добиться сколько-нибудь заметного влияния на немецкую общественность⁵⁸.

Германскую катастрофу 1933 года Федотов объясняет, прежде всего, не мощью радикальных противников немецкой демократии, а безволием самих демократов. Федотова особенно беспокоил факт, что бессилие демократии – это не только немецкое или итальянское, а общеевропейское явление: «Демократия нигде не умела защищать себя: она погибает почти без сопротивления... В политике слабость не только несчастье, но и порок. Не умея защитить себя, власть тем более не в силах осуществлять ответственных решений, вести народ к творчеству новой жизни»⁵⁹.

Это слова из статьи Федотова «Наша демократия», опубликованной в 1934 году в журнале «Новый Град», основанном им в 1931 г. совместно с Федором Степуном и эсеровским публицистом Ильей Бунаковым-Фондаминским. Журнал представлял собой реакцию на европейский кризис 1930-х годов. Важнейшей целью журнала, его программой, была защита свободы, этого важнейшего с точки зрения издателей «Нового Града» достижения начавшегося в 1789 году «долгого XIX века», от ее тоталитарных врагов, левых и правых. Уже в 1933 г. Федотов опубликовал в «Новом Граде» статью под говорящим названием «Демократия спит», в которой высказал свою глубокую озабоченность тем, что германская катастрофа не смогла разбудить оставшиеся еще в Европе силы демократии: «Вот уже третье предостережение. Первой провалилась Россия. За ней Италия. Теперь Германия. Провалилась уже половина Европы. Половина ли только? Большая часть Европы уже под водами, а мы, уцелевшие, на крайнем Западе, смотрим на волнующуюся бездну, подступающую к нам, готовую слизнуть остатки материка»⁶⁰.

Когда Федотов писал эти слова, в Европе существовали разного рода умиротворители, считавшие, что не следует преувеличивать значение перелома 1933 года. Консервативные союзники нацистской партии были уверены, что им удастся приручить Гитлера: «Через два месяца мы задвинем Гитлера в угол», сказал тогда Франц фон Папен – консервативный союзник Гитлера.

Федотов был гораздо более дальновидным. Ему было ясно, что Германия отныне вошла в совершенно новую историческую эпоху: «В другой век. В другую историю – древнюю, среднюю или ультра-современную? Во всяком случае, в тот век, где меряют достоинство человека чистотой крови, где метят евреев желтым крестом... где жгут ведьм и еретиков. Костров еще нет – для людей (пока репетируют на книгах), но до них осталось недолго ждать. Большая часть пути уже пройдена. От гуманизма осталось так мало, что восстановление квалифициро-

⁵⁸ Idem. Einstellung auf die Expansion // Die Gesellschaft. 1931. № 6. P. 514-515.

⁵⁹ Федотов Г.П. Наша демократия // Новый Град. 1934. № 9; его же. Тяжба о России. Париж, 1982. С. 147-148.

⁶⁰ Федотов. Тяжба о России. С. 103.

ванных казней, право, ничего не изменит в облике торжествующего бестиализма»⁶¹.

Эрозию европейской демократии Федотов связывает не в последнюю очередь с тем, что демократическая идея, за которую в прежние времена многие шли на баррикады, теперь едва ли кого вдохновляет: «Отсутствие идей, отсутствие воли, отсутствие людей – такова формула кризиса демократии, вскрывающая не порочность учреждений, а нечто худшее: одряхление демократической культуры»⁶².

Федотов констатирует, что парламентаризм подвергается осмеянию. Вряд ли можно себе представить, что народ станет защищать парламент, атакованный врагами демократии. А без этой готовности парламентский режим невыносим.

В своем диагнозе 1933-1934 годов Федотов предвосхитил развитие ближайших нескольких лет. Вскоре стало очевидно нежелание западных демократий поставить правые режимы на место, что позволило последним безнаказанно совершать один акт агрессии за другим. Политика невмешательства, проводимая западными державами, подтвердила тезис Федотова, что в политике слабость не только несчастье, но и порок. Слабость, выказанная в то время западными демократиями, отнюдь не являлась проявлением действия неизбежного, квази физического закона. Это был результат сознательного решения ведущих политических кругов Франции и Великобритании, которые в основном сами хотели быть обманутыми авантюристом из Берлина: они принимали на веру его миролюбивые заверения, когда он обставлял ими свои очередные претензии. Когда Невилл Чемберлен и Эдуард Даладьё в Мюнхене предали самого верного союзника Запада в Восточной Европе – Чехословакию, они сделали это, чтобы, как они утверждали, обеспечить мир для будущих поколений («Peace in our time»). Этим решением, чрезвычайно сомнительным с этической точки зрения, они уступили стремлению людей, которыми они управляли, к миру – они непременно хотели плыть по течению. Но существовали и другие решения: за них выступал Уинстон Черчилль, оказавшийся тогда в одиночестве среди политического класса Великобритании. Черчилль безоговорочно осуждал готовность многих представителей британского и французского истеблишмента к капитуляции и считал компромисс с Гитлером бессмысленным.

Так же как и Черчилль, Федотов имел мужество отстаивать непопулярную позицию. В то время, когда все меньшее количество людей осмеливалось защищать демократию, так как она, с точки зрения людей, плывущих по течению, казалась дискредитированной, Федотов в уже упомянутой статье «Наша демократия» писал: «"Новый Град" не популярен, нам нечего терять, и потому мы защищаем демократию»⁶³.

Людям, презирающим демократию, Федотов два года спустя бросил в лицо следующие слова: «Демократия сейчас – единственное убежище человечности.

---

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 113.

⁶³ Там же. С. 153.

А человечность – единственное, что еще сохраняется в современном мире от христианской цивилизации»⁶⁴.

Готовностью плыть против течения Федотов бросил вызов не только своим политическим оппонентам, но и товарищам по судьбе; понятно, что такая готовность требовала особого мужества. Это ясно проявилось в его анализе событий в Испании после начала гражданской войны на Иберийском полуострове. Подавляющее большинство русских эмигрантов высказывалось в этой связи в поддержку генерала Франко, так как он по своим взглядам был антикоммунистом.

Федотову была чужда такая позиция. Жестокий террор испанского правительства Народного фронта, который был направлен в первую очередь против церкви и проявлялся в убийствах священников, чрезвычайно возмущал его. Но еще более возмутительным он считал террор войск генерала Франко – именно потому, что они при этом извращенным образом использовали христианскую риторику: «Что делает особенно страшным „белый“ террор в Испании – это связь его с католическим духовенством. Инстинкты мести и классовой ненависти прикрываются именем Христа. Гражданская война облекается в формы крестового похода»⁶⁵.

При анализе гражданской войны в Испании Федотова беспокоило, то обстоятельство, что победы ультраправых фалангистов Франко обеспечивали Гитлеру и Муссолини дополнительный успех в борьбе против европейских демократий. В феврале 1939 г. в эмигрантской газете «Новая Россия» Федотов писал, что если Чехословакия была оплотом западной демократии в восточной Европе, то Испания представляла собой ее южный бастион⁶⁶.

Вновь Федотов был чрезвычайно разочарован позицией Запада: «Страх всеобщей войны заставляет демократическую Европу предавать Испанию фашистским державам. Еще один кусок живности полетел в волчью стаю. Берите Испанию, только не троньте нас!»⁶⁷.

Антифранкистская позиция Федотова, как и другие его высказывания, критикующие правые позиции, вызывали возмущение многих русских эмигрантов. Впрочем, это не было неожиданностью для Федотова. Он постоянно вступал в полемику со многими эмигрантскими группами, во взглядах которых присутствовали экстремистские и тоталитарные черты.

Однако то, что Федотова удивило и огорчило – это было отношение большинства его коллег из Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, а котором он преподавал с 1926 года. Коллеги почти единогласно выступили против него. Даже глава Русской православной церкви в Западной Европе митрополит Евлогий, который по другим вопросам занимал довольно либеральную позицию, присоединился к хору критиков Федотова. Он потребовал от

---

⁶⁴ Федотов. Защита России. С. 58.

⁶⁵ Там же. С. 225-226.

⁶⁶ Там же. С. 223.

⁶⁷ Там же. С. 65.

руководства богословского института объявить выговор Федотову за его публицистическую деятельность, так как она «приняла характер опасный и угрожающий существованию института, вызвала смущение и соблазн в русском обществе»⁶⁸.

Среди немногих авторов из среды русской эмиграции, взявших Федотова под защиту, был Николай Бердяев. Свое возмущение направленной против Федотова кампанией он выразил в статье, в которой вопрошал: «Существует ли в православии свобода мысли и совести?»⁶⁹.

Поражение правительства Народного фронта в гражданской войне в Испании подтвердило тезис Федотова, который он отстаивал на протяжении нескольких лет. Это тезис гласил, что не только демократическая, но и социалистическая мысль с начала 1930-х годов переживала глубокую эрозию. Обе идеологии вытеснялись шовинистическими, даже фашистскими идеями. Казалось, что крайний национализм, который тогда, как и в канун кризиса 1914 года, превратил всю Европу в пороховую бочку, стал «победителем истории».

Это сочетание было в сущности уникальным. Со времени революции 1848 г. националистические идеи много раз переживали свой триумф, но, несмотря на это, у них были сильные конкуренты, тормозившие их беспрепятственное развитие – либерализм, демократия, или же социализм. В 1930-е годы казалось, что национализм победил все силы, ему противостоящие: «Отечество или родина для большинства европейцев наших дней является единственной религией, единственным моральным императивом, спасающим от индивидуалистического разложения (Баррес – Моррас). Величие родины оправдывает всякий грех, превращает низость в геройство»⁷⁰. Федотов подчеркивает, что этому националистическому заблуждению подвержены также и пролетарские массы, которые ранее выдвигали на первый план социальную борьбу.

Часть рабочего движения, которое прежде немало, способствовало гуманизации существующего строя, утверждению принципа справедливости в капиталистическом обществе, влилась в армию фашистских победителей: «Они верят теперь, что осуществление их социалистических чаяний – право на труд, на достойное человека существование – принесет не победа класса, а торжество национального надклассового государства. [...] Не нам защищать *идеологию* классовой борьбы, отравлявшую несколько поколений моральное сознание рабочего. Но остается фактом, что сама борьба эта была в течение последнего столетия одним из мощных факторов социальной реконструкции. [...] В современных уце-

---

⁶⁸ Федотов. Лицо России. С. XXV. См. на эту тему также Федотов. Собрание сочинений в 12-томах. Т. 12. С. 261-378, 468-474.

⁶⁹ Бердяев Н. Существует ли в православии свобода мысли и совести? // Путь. 1939. № 59. С. 46-54; Федотов. Лицо России. С. XXVI.

⁷⁰ Федотов. Россия, Европа и мы. С. 144-145.

левших демократиях именно это отсутствие серьезного рабочего давления объясняет беспечность правящих верхов»⁷¹.

Федотов указывает на то, что и страна «победившего пролетариата» – СССР – капитулировала перед торжеством национального „*sacro egoismo*“. Красная армия превратилась из авангарда мировой революции в защитника имперских интересов России: «Сталин никогда не был интернационалистом ... (он) всегда презирал европейского рабочего и не верил в его революционные способности. Добившись единоличной, неограниченной власти в величайшей стране мира, ... он приносит в жертву этой власти остатки своих былых псевдорелигиозных убеждений. Интернациональный коммунизм для него, вероятно ... необходимый декорум для защиты национальных интересов»⁷².

Федотов явно недооценивает тот факт, что Сталин никогда не отказывался от своих марксистских, направленных на торжество мировой революции целей. Однако Федотов сумел распознать, что идея мировой революции в 1930-е годы утратила в СССР свой прежний абсолютный приоритет в пользу имперской русской идеи.

Какое послание хотят огласить миру победоносные европейские националисты, – спрашивает Федотов. Что, например, отличает сторонников великогерманской идеи от итальянских фашистов? Почти ничего, – пишет Федотов. Все они восхищаются современной техникой, казарменной дисциплиной, верны своему вождю и маршируют, маршируют без конца. Все, что может повредить этому созданной самой нацией представлению о себе как монолите, исключается из культурного багажа той или иной нации. «Ради монолитности этой мощи из образа Германии исключают Гете, Канта, старый идеализм – все, чем Германия светила миру, в чем было ее подлинное национальное лицо. Муссолини пожелал исключить из образа Италии ее великое христианское средневековье, ее христианское барокко, все, что было живописного, неповторимо-своеобразного в чарующем имени Италии – для всех народов»⁷³.

Федотов оспаривает при этом вопрос о том, действительно ли радикальные националисты стремятся защитить интересы своей нации: «миром движет не борьба за существование, а воля к власти». Поэтому, как считает Федотов, настоящим пророком XX в. был Ницше.

Националистов больше интересует не благополучие их собственного государства, а ущерб, который они могут нанести врагу. При таком подходе не страшит даже перспектива всеобщей гибели: «Лучше смерть, чем торжество врага. Пусть погибнет этот мир, где моя страна не может занять первого места»⁷⁴.

Таким образом, Федотов уже в 1935 г. предсказал руины, в которые к 1945 году экстремисты разного рода превратят европейский континент. Он понимал, что

---

⁷¹ Федотов. Тяжба о России. С. 181-182.

⁷² Там же. С. 183.

⁷³ Там же. С. 185.

⁷⁴ Там же. С. 187.

националистическая мания величия неизбежно ведет к разрушению и саморазрушению огромного масштаба. Ему было также ясно, что за внешней самоуверенностью марширующих националистов неизбежно скрываются внутренние сомнения: «Не нужно обманываться его победными, бодрими маршами. В глубине души он не верит в счастливый исход. Его родина окружена кольцом врагов. Борьба народов не имеет ни конца, ни разрешения. Как Самсон, он готов обрушить колонны невидимого ему (слепому!) храма культуры и похоронить своих и чужих под развалинами»⁷⁵.

е. Пакт Гитлера-Сталина и начало Второй мировой войны

Хотя Сталин и Гитлер руками третьих стран вели идеологическую войну в Испании, Федотов считал вполне возможным сближение этих идеологически смертельных врагов на основе их общего неприятия демократии. Уже в начале февраля 1939 года, еще до окончания гражданской войны в Испании, Федотов считал слухи о скором российско-германском сближении вполне правдоподобными. Причем эта новая ситуация, как считал Федотов, никак не изменит принципиального намерения Гитлера напасть на Россию; его поход на Восток будет лишь немного отсрочен: «План Гитлера имеет западный и восточный варианты. Для удара в одну сторону ему нужно иметь свободные руки на другой. Но оба удара ему необходимы для осуществления своей великогерманской мечты»⁷⁶. Лишь немногие современники смогли столь точно предсказать будущее поведение Гитлера. Среди тех немногих, кто наряду с Федотовым, предвидел такую возможность, был его соотечественник Лев Троцкий, который в начале 1939 г. столь же дальновидно описал, как поведет себя Гитлер во внешней политике⁷⁷. Так как экспансионистские планы Гитлера не знали границ, Федотов видел своего рода общность судеб западных демократий и России. Без поддержки России Запад был не в состоянии эффективно защитить себя от Третьего Рейха.

В мае 1939 г., когда западные державы отказались от недалновидной политики соглашения с Гитлером и попытались совместно с Москвой поставить Гитлера на место, Федотов писал, что без поддержки Запада Россия не в состоянии эффективно защитить свои границы от гитлеровской экспансии. Федотову было ясно, сколь противоестественен союз западных демократий со сталинской диктатурой. Этот союз базировался не на мировоззренческих принципах, а лишь на общих интересах. С такими государствами как Англия и Франция, Россию объединял лишь тот факт, что все три страны оборонялись против агрессоров. Но, как известно, через три месяца положение дел принципиально изменилось.

---

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Федотов. Защита России. С. 224.

⁷⁷ Trotzki. Sowjetgesellschaft. P. 1155-1167, 1209-1223.

Россия стала союзником одного из самых агрессивных государств в современной истории и помогла потрясшим мир военным успехам этой страны, которая, заключив альянс со Сталиным, могла не опасаться за свои интересы на Востоке. Первой жертвой этого тоталитарного союза была Польша, которой Федотов в октябре 1939 г. посвятил одни из самых впечатляющих своих строк: «Она первая приняла на свою грудь удар врага, вдвое сильнее, вдесятеро лучше вооруженного, ни минуты не колеблясь, не думая о безнадежности, о бесполезности борьбы. Какое удивительное зрелище в наш век рационализма, утилитарности, всяческих "цель оправдывает средства". Бескорыстный, бесцельный, чисто героический акт классической "смерти за отечество" – кажется нам изумительным, неправдоподобным: точно ожили и перенеслись в нашу повседневность страницы Плутарха. И пусть не говорят, что самонадеянность и власть иллюзий обесценивают жертвенность Польши. Бесспорно, Польша недооценила врага и мечтала не о смерти, а о победе. Но там, где не было уже никакой надежды, ее силы точно возрастают. [...] Такие "эпизоды" спасают достоинство не одной страны, а и всей эпохи. Отдаленные наши потомки, перечитывая смутную историю Европы 30-х годов и изнемогая от всего этого моря низости, рабства и насилий, очнутся от нравственного кошмара и отдохнут – как ни странно это слово – да, отдохнут на ужасной и возвышающей трагедии: гибели Польши». Это уникальное отношение поляков было результатом их своеобразной политической культуры, продолжает Федотов: «Польша не умела жить, но всегда умела героически умирать. И не нам, русским, указывать на сучки в ее глазу, в тот момент, когда сталинские – русские – войска нанесли ей последний, предательский удар»⁷⁸.

Факт, что войска Красной армии своим «предательским» нападением 17 сентября 1939 г. нанесли гибнущей Польше смертельный удар, вызвал чрезвычайное возмущение Федотова. Столь же позорными Федотов считал глубоко укоренившиеся в русской традиции антипольские настроения – тот факт, что его соотечественники, за исключением таких людей, как Александр Герцен, никогда не сочувствовали трагической судьбе своих польских соседей. При этом, как отмечает Федотов, Россия могла бы многому поучиться у Польши, особенно в вопросе любви к свободе и защиты ее.

Освободительная борьба финнов, подвергшихся нападению Сталина, также вызывала восхищение Федотова.

Когда в январе 1940 г. Красная армия, несмотря на численное превосходство, все еще не смогла сломить сопротивления финнов, Федотов написал: «Странно, дико сложилась история. Русские войска умирают за свое собственное рабство. Финны сражаются не только за свою свободу, но и за свободу России»⁷⁹.

То, что европейцы через 21 год после завершения самой кровопролитной в современной истории войны не смогли предотвратить новую мировую войну, подтвердило уверенность Федотова, что существующий европейский порядок пол-

⁷⁸ Федотов. Защита России. С. 263-264.

⁷⁹ Там же. С. 287.

ностью себя изжил и должен быть заменен. Ключевым компонентом до сих пор доминировавшего европейского порядка он считал суверенные государства-нации. При этом национализм, который был основой национальных государств, превращается, по Федотову, «на наших глазах в безумие, в демонию, взрывающую нашу цивилизацию»⁸⁰. Европе, чтобы выжить, необходимо усмирить демонов национализма, что может быть достигнуто лишь путем отказа национального государства от части своего суверенитета в пользу наднациональной федерации: «Из хаоса современного мира возможны лишь два выхода: насильственное объединение в новую мировую империю, или более или менее свободное объединение в федерацию народов. Первая участь грозит Европе в случае победы Германии... Напротив, победа союзников может быть обеспечена лишь действительным, прочным федеративным объединением народов»⁸¹. Модель предотвращающей войну европейской федерации, задуманная Федотовым в ноябре 1939 г., напоминала основанное после Второй мировой войны Европейское Сообщество или Союз⁸².

Какая роль в этой будущей федерации отводилась России? Федотов в январе 1940 г. писал: «Европейская федерация без России не мыслима, так же, как и русская культура без Европы». Этим высказыванием Федотов повторял уже упомянутые нами слова, сказанные им в апреле 1918 года: Европа не может позволить себе обойтись без России. Какой смысл будет иметь для Европы разоружение и урегулирование всех внутренних конфликтов, если ей будет с Востока угрожать вооруженная до зубов Россия? – пишет он и добавляет: «Загнать в Азию Россию еще никому не удавалось, не удастся это и самим русским, если бы они того захотели. Оставаясь в Европе и давя на нее своей огромной тяжестью, Россия может быть или страшной для нее опасностью, или одним из существенных элементов ее равновесия. С Петра Великого Россия жила общей жизнью с Европой, не раз в критические часы истории – 1813, 1914 гг. – помогала спастись в общей беде»⁸³.

Ситуация, описанная Федотовым, повторилась в декабре 1941 г. у ворот Москвы. Планы Гитлера по установлению мирового господства, как в свое время планы Наполеона, были сорваны, прежде всего, потому, что военная машина агрессора столкнулась в России с противником, которому она не могла противостоять.

Когда Федотов говорит о присоединении России к будущей европейской федерации, он имеет в виду послебольшевистскую, пост-тоталитарную Россию: «Нацистская Германия или большевистская Россия не только не могут быть членами какой-либо Федерации, но, как показал опыт, не могут быть участниками никакого политического союза. Их подпись не может иметь никакого веса, их слово не

---

⁸⁰ Там же. С. 273.

⁸¹ Там же. С. 271.

⁸² Аналогичный тезис выдвигал Федотов в 1931 г., через два года после начала всемирного экономического кризиса. См. Федотов. Россия, Европа и мы. С. 153.

⁸³ Федотов. Защита России. С. 282-283

внушает никакого доверия. И это по причинам принципиальным, а не случайным. То, что для общечеловеческого сознания является вероломством, может оказаться для них высшим долгом, почти религиозной обязанностью. Для тоталитарных народов государство само определяет мораль и право, как определяет науку и быт, семейную и личную жизнь граждан. Нет и не может быть такой силы, социальной или моральной, которая для них стояла бы выше государства. Поэтому сверхнациональный суверенитет, федерация, стоящая выше национального государства, должны представляться для них абсурдными»⁸⁴.

Что дополнительно ведет к несовместимости федеральных структур с тоталитаризмом, по Федотову, это тот факт, что тоталитарный режим, основан на чистом насилии и беззаконии. Если бы тоталитарные страны вошли в будущую федерацию, то они взорвали бы ее изнутри⁸⁵. Столь пронизательный анализ Федотова был неточен в одном пункте: в отличие от нацистского режима, альянс с Советским Союзом – одной из тоталитарных держав, оказался возможен. Доказательством тому стала созданная в 1941 г. антигитлеровская коалиция. Ее распад сразу же после победы над общим врагом был, однако, не в последнюю очередь связан с тем, что победивший сталинский режим, в сущности, вел себя так, как это предвидел Федотов, описывая поведение тоталитарных государств.

ж. Кризис Российской империи

Преобладающее большинство русских эмигрантов, даже безусловные поборники демократических принципов, были настроены проимперски. Сначала это можно было отнести и к самому Федотову. Происшедший вследствие революции 1917 г. распад Российской империи стал беспримерной трагедией для него. Факт, что русские солдаты, как правило, «крестьяне в шинелях», не были готовы защищать Россию от ее внешних врагов и сосредоточили свое внимание лишь на борьбе со своими «внутриполитическими врагами» – помещиками, Федотов считал глубочайшей трагедией. Он объяснял такое поведение русских «низов» их политической растерянностью, тем, что потеряв веру в царя, они утратили и всякое отношение к русскому государству: «Народ, который столько веков с героическим терпением держал на своей спине тяжесть Империи, вдруг отказался защищать ее. Если нужно назвать один факт – один, но *основной*, из многих слагаемых русской революции, – то вот он: на третий год мировой войны русский народ потерял силы и терпение и отказался защищать Россию. Не только потерял понимание цели войны (едва ли он понимал их и раньше), но потерял сознание нужности России. Ему уже ничего не жаль: ни Белоруссии, ни Украины, ни Кавказа.

---

⁸⁴ Там же. С. 290.

⁸⁵ Там же. С. 290-291.

Пусть берут, делят, кто хочет. "Мы рязанские". Таков итог векового выветривания национального сознания»⁸⁶.

То, что большевики сумели на основе пролетарского интернационализма и с помощью безбрежного насилия восстановить Российскую империю, с точки зрения Федотова, не представляло собой долговременного решения национального вопроса в империи. Он был убежден в том, что после краха большевистского режима националистические эмоции, еще более радикальные, чем прежде, захлестнут страну: «При насильственном свержении большевистской диктатуры Россию, несомненно, ждет взрыв национальных восстаний. Ряд народностей потребуют отделения от России, и свой счет коммунистам превратят в счет русскому народу»⁸⁷.

Федотов подчеркивает, что большинство русских эмигрантов не верит в распад Российской империи и в возможность сокращения территории России до размера ее великорусского ядра. Это наивно, полагает Федотов. Противники большевиков должны учитывать и такую перспективу. Может случиться, что «новое собиранье земель русских» станет насущной задачей первого послебольшевистского правительства России. Со временем Федотов утратил, однако, надежду на то, что послебольшевистской России удастся спасти империю.

Именно в 1947 г., когда Сталин пытался в ранее невиданных размерах упрочить имперские позиции России (за это многие русские националисты простили кремлевскому диктатору как коллективизацию 1930-х годов, так и «Большой террор»), как раз в это время, Федотов писал о национальном вопросе в России: «Большевистский режим ненавистен и огромному большинству великороссов. Но общая ненависть не спаивает воедино народов России. Для всех меньшинств отвращение от большевизма сопровождается отталкиванием от России, его породившей. Великоросс не может этого понять. Он мыслит: мы все ответственные, в равной мере, за большевизм, мы пожинаем плоды общих ошибок. Но хотя и верно, что большевистская партия вобрала в себя революционно-разбойничьи элементы всех народов России, но не всех одинаково. Русскими преимущественно были идеологи и создатели партии. Большевизм без труда утвердился в Петербурге и в Москве, Великороссия почти не знала гражданской войны; окраины оказали ему отчаянное сопротивление. Вероятно, было нечто в традициях Великороссии, что питало большевизм в большей мере, чем остальная почва Импе-

---

⁸⁶ Федотов. Судьба и грехи России. Т. 1. С. 246.

⁸⁷ Там же. С. 243. Похожие идеи высказывал тогда и основоположник созданного в 1921 году евразийского движения, князь Николай Трубецкой. Время единовластного господства русских в России уже безвозвратно ушло и большевики хорошо это поняли, писал Трубецкой в 1927 году. Они нашли даже нового носителя российского единства: вместо русского народа – пролетариат. Но это лишь кажущееся решение вопроса, продолжает Трубецкой. «Классовый подход» разжигает классовую ненависть и в конечном счете подрывает единство России. Не говоря уже о том, что национальные чувства рабочих, как полагал Трубецкой, куда сильнее их классовой солидарности (Трубецкой Н. Общевразийский национализм // Евразийская хроника. 1927. № 9. С. 24-30).

рии: крепостное право, деревенская община, самодержавие. Украинцы или грузины готовы преувеличивать национально-русские черты большевизма и обелять себя от всякого сообщничества. Но их иллюзии естественны»⁸⁸.

В своем анализе Федотов недооценивает интенсивность гражданской войны в великорусских областях (Сибири, Тамбове, Астрахани или же Кронштадте). Что же касается склонности нерусских народов, рассматривать большевизм лишь как русское явление, то это наблюдение Федотова вполне соответствует действительности.

В итоге Федотов дает такой прогноз развития России после развала большевистского режима: В то время, когда внимание русских в первую очередь будет отвлечено расчетом со своими собственными палачами, большинство нерусских народов СССР потребует выхода из советской федерации, которую им также гарантирует советская конституция. Это вероятно вызовет гражданскую войну, которая расколется страну на две равновеликих части – русских и нерусских. Если эту гражданскую войну выиграют русские и попытаются насильственно привязать к себе народы империи, эта победа будет недолгой. Тогда Россия станет последней на земле империей, объектом ненависти всех стремящихся к свободе народов. Что же касается самих русских, то их попытка насильственно сохранить имперский характер страны разрушит всякую надежду на внутреннее освобождение России: «Не может государство, существующее террором на половине своей территории, обеспечить свободу для другой»⁸⁹. По всем этим причинам Федотов выступает за освобождение России от груза империи. Это не будет означать конца России: «*Finis Russiae?* Конец России или новая страница ее истории? Разумеется, последнее. Россия не умрет, пока жив русский народ, пока он живет на своей земле, говорит своим языком. Великороссия, да еще с придачей Белоруссии (вероятно) и Сибири (еще надолго), все еще представляет огромное тело, с огромным населением, все еще самый крупный из европейских народов. Россия потеряет донецкий уголь, бакинскую нефть – но Франция, Германия и столько народов никогда нефти не имели. [...] Даже чувство сожаления от утраты былого могущества будет смягчено тем, что никто из бывших соперников в старой Европе не займет ее места. Все старые Империи исчезнут. [...] Потеря Империи есть нравственное очищение, освобождение русской культуры от страшного бремени, искажающего ее духовный облик. Освобожденная от военных и полицейских забот, Россия может вернуться к своим внутренним проблемам – к построению выстраданной страшными муками свободной социальной демократии»⁹⁰.

Удивляет та точность, с которой Федотов в 1947 г. предсказал будущий территориальный облик Российской Федерации, возникшей в 1991 г. Итак, называя например Белоруссию частью постсоветской России, он это свое высказывание

⁸⁸ Федотов Г.П. Новый Град. N.Y., 1952. С. 195-196.

⁸⁹ Там же. С. 198.

⁹⁰ Там же. С. 198-199.

сопроводил словом «вероятно». И в другом пункте этот прогноз осуществился с буквальной точностью: а именно, когда он предсказал, что республики СССР при выходе из советской федерации будут опираться на соответствующую статью советской конституции. Это произошло, несмотря на тот факт, что советскими конституциями (1924, 1936 и 1977 гг.) право выхода из СССР предоставлялось лишь на словах. Но в 1991 г. конституционная теория превратилась в конституционную практику.

Что же касается создания в постбольшевистской России свободного, социального и демократического общества, о чем говорилось в прогнозе Федотова, то публицист никоим образом не был столь наивен, чтобы полагать, что такое общество может возникнуть мгновенно: «После тридцатилетия коммунизма русский человек огрубел, очерствел... Вероятно, не одно поколение понадобится для его перевоспитания, т.е. для его возвращения в заглохшую традицию русской культуры, а через нее и русского христианства, К этой великой задаче должна уже сейчас, в изгнании, готовиться русская интеллигенция, вместо погони за призрачными орлами империи»⁹¹.

Это завещание Федотова актуально и сегодня.

3. Перспективы российской свободы

Статью «Судьба империй» Федотов написал в США, где он провел 10 последних лет своей жизни (1941-1951). После разгрома Франции летом 1940 года Федотов как непримиримый противник национал-социализма находился в большой опасности. Ему в принципе угрожала та же участь, что и его близким друзьям – соредктору «Нового Града» Бунакову-Фондаминскому и матери Марии (Скобцовой), которые за участие в Сопротивлении и за попытки спасти евреев заплатили своими жизнями. Федотов избежал в высшей степени вероятной депортации в нацистский концлагерь лишь потому, что он в начале 1941 г. покинул Францию, совершив бегство, полное приключений. В сентябре 1941 г. он добрался до США, где продолжил свою публицистическую деятельность. Он зарабатывал на жизнь преподаванием – сначала в Йельском университете, а с 1943 г. в Свято-Владимирской православной семинарии в Нью-Йорке. Так что всемирную битву антигитлеровской коалиции с государствами оси он наблюдал по ту сторону Атлантики. Федотов был убежден в том, что новый германский «рывок к мировому господству» обречен на провал. В 1943 г. он писал в нью-йоркском эмигрантском журнале «Новый журнал»: «"Новый порядок", который несет Гитлер, есть порядок господства, а не сотрудничества. В жертву одной расе, то есть народу, обрекаются на гибель и рабство десятки миллионов. Народы Европы не могут при-

---

⁹¹ Там же. С. 199.

мириться с такой участью»⁹². Одновременно Федотов думал и о новом послевоенном устройстве мира. Победители должны были извлечь урок из ошибок и слабых сторон Версальской системы.

Крах Версаля Федотов связывает, с одной стороны, с безмерным национальным эгоизмом европейских стран, с другой стороны, – с отсутствием воли к победе у демократий: «Лига Наций погибла от нежелания гегемонов 1919 года обнажить меч на защиту ее законов. Новая власть победоносных демократий стоит с самого начала перед необходимостью военного и политического принуждения для умиротворения и организации мира»⁹³. Наибольшие надежды Федотов связывает с англо-саксонской демократией, которая объявила защиту свободы одной из центральных задач своей политики. Совершенно иначе относилась к свободе Россия – третий участник антигитлеровской коалиции.

В своем эссе 1945 г. «Россия и свобода» Федотов задает вопрос, могут ли русские, которые внесли решающий вклад в разгром гитлеровской тирании, восстановить свою свободу. Его ответ на этот вопрос многослоен. Он полагает, что, на первый взгляд, существует не слишком много поводов для оптимизма: «В течение многих веков Россия была самой деспотической монархией в Европе. Ее конституционный – и какой хилый! – режим длился всего одиннадцать лет; ее демократия – и то скорее в смысле провозглашения принципов, чем их осуществления – каких-нибудь восемь месяцев. Едва освободившись от царя, народ, пусть недобровольно и не без борьбы, подчинился новой тирании, по сравнению с которой царская Россия кажется раем свободы. При таких условиях можно понять иностранцев или русских евразийцев, которые приходят к выводу, что Россия органически порождает деспотизм»⁹⁴.

Этот приговор с точки зрения Федотова, однако, несправедлив. Публицист указывает на то, что Россия имеет и либеральные традиции, которые особенно усилились после контактов с «отечеством свободы» – Западом. Лишь большевистская революция затормозила развитие в направлении свободы: «Русская революция за 28 лет ее победоносного, хоть и тяжкого бытия пережила огромную эволюцию, проделала немало зигзагов, сменила немало вождей. Но одно в ней осталось неизменным: постоянное, из года в год, умаление и удушение свободы»⁹⁵.

Что еще удручает Федотова, это тот факт, что также и стремление к свободе, готовность бороться за нее, за годы большевистского правления в России постоянно уменьшались.

Однако одно обстоятельство все же внушает публицисту оптимизм – факт, что для русских солдат благодаря их встрече с западными союзниками в Европе открылось, по крайней мере, частично, «окно в свободный мир»: «Если же солнце

---

⁹² Там же. С. 99.

⁹³ Там же. С. 101.

⁹⁴ Там же. С. 140.

⁹⁵ Там же. С. 165.

свободы, в противоположность астрономическому светилу, восходит с Запада, то все мы должны задуматься о путях и возможностях его проникновения в Россию»⁹⁶. Чтобы достичь этого эффекта, Запад должен твердо верить в собственные идеалы и дистанцироваться от прославлений Сталина и его режима: «Льстецы Сталина и Советской России сейчас главные враги русской свободы»⁹⁷.

Столь же остро Федотов выступал и против тех русских эмигрантов, которые были готовы в благодарность за победу над Третьим Рейхом простить Сталину все его былые преступления. Особенно разочаровала Федотова позиция его ближайшего соратника Николая Бердяева, в 1946 г. призвавшего русских эмигрантов принять советское гражданство и вернуться в Россию.⁹⁸

Когда началась «холодная война», предостережения Федотова относительно превозношения Сталина со стороны Запада и ряда русских эмигрантов потеряли свою актуальность.

Советский Союз вновь превратился в радикального врага Запада; прославлением Сталина занимались лишь представители коммунистического спектра западной общественности. Контакты советских граждан со свободным миром, на которые Федотов возлагал столько надежд, полностью прекратилась. Так называемое низкопоклонство перед Западом считалось сталинскими пропагандистами чуть ли не уголовным преступлением против государства и жестоко каралось – зачастую даже смертной казнью. Огромная советская империя отныне была полностью изолирована от внешнего мира.

Представляла ли собой частичная проницаемость «железного занавеса», которая наблюдалась во времена антигитлеровской коалиции и сопровождалась смягчением сталинского правления, (это явление в впоследствии получило название «стихийной десталинизации»), лишь несущественный эпизод?

Отнюдь нет. Несмотря на все попытки режима вновь дисциплинировать народ, столь гордый своей победой, и вытеснить из общественного сознания память о «стихийной десталинизации», в советском обществе сохранилась жажда достойной и свободной жизни.

Итак «стихийная десталинизация», которая случилась во время самой жестокой в современной истории войны, не прошла бесследно. Сразу же после смерти Сталина ориентированная на реформы часть партийного руководства опиралась на некоторые ее постулаты. Так в СССР началась критика сталинского террористического режима, которая, несмотря на некоторые неудачи и попытки власть имущих ее приостановить, продолжалась вплоть до распада Советского Союза. Лишение коммунистической партии власти, произошедшее в августе 1991 г., не в последнюю очередь стало следствием этого русского варианта переосмысления прошлого.

---

⁹⁶ Там же. С. 170. См. также Федотов. Полное собрание сочинений. Том 9. С. 344.

⁹⁷ Его же. Новый Град. С. 171.

⁹⁸ Его же. Ответ Н.А. Бердяеву // Его же. Полное собрание сочинений. Том 9. С. 194-209.

И вот после крушения советской власти в Россию переживающую революционные потрясения и ищущую новые ориентиры начали проникать идеи Федотова и его единомышленников. Но не только они. Также и идеи их противников – евразийцев, младороссов и других антиевропейски и авторитарно настроенных эмигрантских группировок все сильнее влияют на внутрироссийский дискурс. Кто из них победит? Этот вопрос, как и многие другие вопросы касающиеся дальнейшего развития сегодняшней России, остается открытым.

Расширенная версия статьи опубликованной в журнале «Вопросы философии» (1/2015).

Авторизованный перевод с немецкого Бориса Хавкина